

УДК 614.84
ББК 67

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»

Деятельность правоохранительных органов в современных условиях:
сб. материалов XXII междунар. науч.-практ. конф. В 2 т.– Иркутск:
ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. – Т. 1. – 471 с.

В сборник включены тезисы докладов участников международной научно-практической конференции «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях», проходившей 18–19 мая 2017 г. в ФГКОУ ВО ВСИ МВД России.

В тезисах сохранено авторское изложение и выполнено лишь необходимое техническое редактирование, в связи с чем редакционная коллегия не несет ответственности на возможные неточности.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: С.А. Карнович – кандидат юридических наук, начальник ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»;
заместитель главного редактора: П.А. Капустюк – кандидат экономических наук, заместитель начальника института (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Жигалов Н.Ю. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника института (по учебной работе); Аграфонов М.Ю. – кандидат философских наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела; Гольчевский В.Ф. – кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры автотехнической экспертизы и автоподготовки; Грибунов О.П. – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики; Добров А.Н. – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД; Плеснева Л.П. – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса; Синиченко В.В. – доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин; Стерхов П.А. – кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин; Таюрская Е.А. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии;

технический секретарь: Белых А.В. – заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела

ISBN 978-5-9538-0042-6

© ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 2017

вано авторское понятие такого вида обвинительного приговора на основе его существенных признаков, значения и правовых последствий.

Понятие **обвинительного приговора без назначения наказания** можно сформулировать следующим образом: «обвинительный приговор без назначения наказания – решение о виновности подсудимого, постановленное именем Российской Федерации судом первой или апелляционной инстанции, которым в предусмотренных законом случаях, с учетом данных о личности подсудимого и содеянного им наказание не назначается в связи с достижением целей уголовной ответственности в виде осуждения без назначения наказания».

Список использованных источников

1. Абашева Ф.А. Осуществление правосудия по уголовным делам судами первой инстанции (концептуальные основы): монография / Ф.А. Абашева. – Ижевск: изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 238 с.
2. Гуськова А.П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. – Оренбург, 1997. – 388 с.
3. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Понятие, предмет и методика изучения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 174 с.

С.Б. Россинский

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЛИЧНОГО ОБЫСКА ЗАДЕРЖАННОГО ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Личный обыск – заключается в принудительном обследовании тела человека, задержанного по подозрению в совершении преступления, его одежды, обуви и аксессуаров в целях отыскания и изъятия скрываемых предметов, документов или ценностей, имеющих значения для уголовного дела. Возможность производства и процессуальные особенности личного обыска, задержанного вытекают из системного единства ст.ст. 93, 182 и 184 УПК РФ. Анализ указанных положений процессуального закона и соответствующей специальной литературы на первый взгляд не дает права говорить о наличии каких-то существенных трудностей в теории, нормативном регулировании и практике производства личного обыска задержанного, если конечно не считать извечного вопроса о возможности его осуществления до возбуждения уголовного дела.

Однако более детальное исследование этих аспектов приводит к целому ряду неразрешенных вопросов, которые мы вкратце и намерены рассмотреть в настоящей работе. Более подробному рассмотрению данных проблем и вариантов их решения посвящены другие наши публикации [например, 12, С.128–138].

Первый вопрос заключается в том, каковы правовое значение и практическая польза специальной процессуальной нормы, установленной ст. 93

УПК РФ. Имея сугубо отсылочный характер, и будучи всего лишь правовым дозволением, она как бы лишний раз напоминает следователю о возможности использования при задержании подозреваемого потенциала личного обыска. Создается впечатление, что разработчики Кодекса, формулируя содержание процедуры задержания подозреваемого, посчитали, что именно в этот момент следователь, имея достаточные основания для производства данного следственного действия, почему-то не сообразит или забудет, что наделен соответствующими процессуальными полномочиями. По крайней мере, прежний порядок задержания подозреваемого (ст.ст. 122–123 УПК РСФСР) таких «напоминаний» не содержал. Существование ст. 93 УПК РФ при наличии единой ст. 184 УПК РФ, позволяющей проводить личный обыск в любой момент предварительного расследования, выглядит более чем странным. Следуя подобной логике, законодателю необходимо было предусмотреть отдельные нормы, регламентирующие производство личного обыска (да и не только его) и во многих других следственных ситуациях.

Представляется, что ст. 93 УПК РФ не имеет никакого позитивного правового значения, а, наоборот, оказывает лишь негативное влияние на правоприменительную практику, обусловленную недопониманием сотрудниками органов предварительного расследования того замысла, который был вложен законодателем в ее содержание. В частности, следователи нередко толкуют положения этой нормы как предполагающие не право, а прямую обязанность проведения личного обыска в процессе составления протокола задержания подозреваемого. Поэтому личный обыск нередко проводится при отсутствии соответствующих оснований и ограничивается изъятием у задержанного пресловутых часов, шнурков, ремня и тому подобных объектов, как бы заменяя собой режимную процедуру, применяемую при помещении человека под стражу.

Кстати, неверное, толкование ст. 93 УПК РФ имеет место и на доктринальном уровне. Некоторые ученые пытаются придать ей характер некой специальной нормы и на этом основании пишут об особом правовом режиме личного обыска, задержанного, в частности, о возможности его производства до возбуждения уголовного дела [7, С.531]. Едва ли можно согласиться с подобными высказываниями; скорее здесь имеет место подмена понятий: личный обыск смешивается с непроцессуальным досмотром, проводимым в момент фактического задержания. По крайней мере ст. 93 УПК РФ не содержит никакого исключения из общих правил следственных действий, предполагающих возможность их проведения после возбуждения уголовного дела и только специально уполномоченными субъектами, принявшими дело к своему производству.

Следующий вопрос заключается в том, когда все-таки надлежит проводить личный обыск подозреваемого? Так, по смыслу все той же пресловутой ст. 93 УПК РФ он должен осуществляться лишь после принятия юрисдикционного решения следователя о задержании, когда лицо уже формально наделено процессуальным статусом подозреваемого. В против-

ном случае речь шла бы о личном обыске фактически задержанного. При этом подозреваемым лицо может считаться лишь с момента оформления протокола его задержания, на что неоднократно обращалось внимание в уголовно-процессуальной литературе [15, С.82; 13, С. 33; 18, С. 113]. Ошибочно полагать, что статус подозреваемого у лица возникает несколько ранее – в момент его фактического задержания, как это делают отдельные авторы [6, С.157; 12, С. 124]. Подобный подход, хотя и выглядит сугубо либеральным, но искажает саму природу публичных уголовно-процессуальных отношений, предполагающих обязательное участие в них субъекта уголовной юрисдикции. А лица, осуществляющие фактическое задержание (например, представители рядового и младшего начальствующего состава органов внутренних дел) такими полномочиями не наделены. Даже если в фактическом задержании принимает участие штатный следователь (что иногда случается в практике) или оперативный сотрудник (что бывает достаточно часто), то он согласно ч. 1 ст. 61 и ч. 1 ст. 62 УПК РФ подлежит отводу и обязан устраниваться от участия в уголовном судопроизводстве. Кстати в этой связи мы не можем согласиться с С.А. Шейфером, указывающим, что в подобной ситуации сотрудник должен устраниваться, от дальнейшего расследования лишь после составления протокола задержания [17, С.66]. Только следователь (орган дознания) как участник уголовного процесса, обладающий публично-правовыми полномочиями, вправе признать лицо подозреваемым по уголовному делу. А с момента фактического задержания у этого лица возникают не более чем отдельные права, присущие подозреваемому, причем не столько в уголовно-процессуальном, сколько в общем конституционном смысле, в частности право на адвоката (защитника). Кстати, именно такая позиция выражена и в знаменитом постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П.

Однако с другой стороны личный обыск должен проводиться до составления протокола задержания, что соответствует и механизму принятия решений в уголовном судопроизводстве, и просто здравому смыслу. Ведь прежде чем применить к лицу меру процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого, следователь должен установить наличие соответствующих оснований, обусловленных фактическими обстоятельствами уголовного дела. Тем более, что перечисленные в законе основания для задержания, особенно предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, сформулированы таким образом, что здесь просто напрашивается предварительное проведение личного обыска. Кроме того, данный тезис прямо вытекает из смысла ч. 2 ст. 92 УПК РФ, где говорится, что в протоколе задержания подозреваемого помимо всего прочего необходимо отразить результаты его личного обыска.

В этой связи на практике личному обыску как правило предшествует некое непроцессуальное мероприятие (обычно досмотр), которое проводится в месте фактического задержания будущего подозреваемого сотрудниками правоохранительных органов (см., например, п. 266 Устава пат-

рульно-постовой службы полиции, утверждённого приказом МВД России от 29 января 2008 г. № 80). Конечно, исходя из юридического характера уголовно-процессуальной деятельности, можно говорить о правовой непригодности результатов досмотра и тому подобных мероприятий для использования в доказывании, можно признавать их недопустимыми и формально исключить из материалов уголовного дела. Но сам факт обнаружения и изъятия у человека сотрудниками правоохранительных органов неких материальных объектов, имеющих значение для последующего уголовного дела, как бы полностью «выкинуть» из объективной реальности просто невозможно.

Абсолютно абсурдной и недопустимой также является технология, когда сотрудники правоохранительных органов сперва обнаруживают у задержанного какие-либо предметы (похищенное имущество, оружие, боеприпасы, наркотики и т.д.), а затем возвращают их на прежнее место («запихивают назад») для того, чтобы позднее следователь их «обнаружил» заново и изъясил в порядке, предусмотренном ст. 184 УПК РФ. Подобный алгоритм действий очень отчетливо напоминает уже ставшую притчей во языцех сцену задержания в трамвае вора-карманника из кинофильма «Место встречи изменить нельзя».

Поэтому в современной практике наиболее часто используется несколько иная технология. Она заключается в том, что во время фактического задержания лица, сотрудники правоохранительных органов проводят его досмотр или какие-то подобные действия по отысканию и изъятию предметов, документов или ценностей, которые, не имея строго установленного правового режима, являются некими суррогатами личного обыска. Результаты таких мероприятий, хотя прямо противоречат целому ряду положений УПК РФ, тем не менее, в дальнейшем прекрасно используются в доказывании по уголовному делу. А при составлении протокола задержания подозреваемого следователь, стремясь исполнить требования ст. 93 УПК РФ (напомним, что многие практики воспринимают ее именно как прямое предписание), еще раз проводит его личный обыск. Причем ввиду предварительного непроцессуального отыскания и изъятия всех имеющих значение для дела объектов, следователю остается забрать у подозреваемого лишь все те же часы, шнурки, брючный ремень и т.д.; личный обыск становится не более чем пустой формальностью. Конечно подобная практика не является повсеместной. Однако доля проведения рассмотренных нами чисто формальных обысков лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, еще весьма велика.

Причем такому алгоритму присущ целый комплекс недостатков теоретического, нормативно-правового и практического характера. Во-первых, жизнеспособность данной технологии невольно упирается в доктринальный постулат о недопустимости использования в доказывании результатов оперативно-розыскной и административной деятельности, не соответствующих требованиям уголовно-процессуального закона. Досмотр и тому подобные непроцессуальные мероприятия не характеризуются столь

высоким уровнем правовых гарантий доброкачественности, кои присущи личному обыску. И хотя рассмотренная практика имеет повсеместное применение, а сотрудники правоохранительных органов и даже судьи относятся к ней как к само собой разумеющейся, мы полагаем, что результаты непроцессуальной деятельности (исходя из содержания действующих норм УПК РФ) в принципе не могут быть приравнены к результатам личного обыска. А выдвинутая в науке уголовного процесса [3, С. 40; 1, С. 171–172; 5, С. 363; 16, С. 111–112; 4, С. 240 и т.д.] и подкрепленная определением Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О идея о легализации непроцессуальной (оперативно-розыскной) информации и формировании на ее основе доказательств – это не более чем попытка найти наиболее приемлемый теоретический и прикладной выход из созданного самим законодателем правового тупика [9, С. 171–196; 10, С. 171–184]. Вместе с тем, как показывает судебная и следственная практика, зачастую именно результаты подобного непроцессуального суррогата личного обыска и являются одним из ключевых доказательств, позволяющих как принять решение о задержании подозреваемого, так и впоследствии изобличить его в совершении инкриминируемого ему преступления. А проведенный позднее полноценный личный обыск в порядке ст. 184 УПК РФ, как отмечалось выше, является не более чем формальностью и не имеет никакого познавательного значения.

Во-вторых, подобный алгоритм действий в принципе не позволяет следователю провести полноценный личный обыск подозреваемого ввиду отсутствия соответствующих оснований. Эти основания полностью нивелируются предварительным непроцессуальным отысканием и изъятием у человека всех имеющих значение для дела объектов при его фактическом задержании. Возникает закономерный вопрос: что, собственно говоря, можно найти при личном обыске, если все уже было обнаружено и изъято ранее, в ходе досмотра или тому подобных непроцессуальных мероприятий.

Ну, и наконец, в-третьих, рассмотренный нами алгоритм порождает трудности сугубо практического или даже технического характера, так как связан с необходимостью неоднократного и бесцельного выполнения по сути одних и тех же поисковых действий, но предусмотренных различными правовыми режимами. А ведь к этому еще необходимо прибавить личный досмотр доставленного оперативным дежурным отдела внутренних дел, и личный обыска подозреваемого, поступившего в изолятор временного содержания, формально каждое из этих мероприятий преследует свои собственные цели. Однако в практике они фактически дублируют друг друга, на что совершенно справедливо указывает В.Н. Григорьев [2, С. 184]. Решение обозначенных проблем представляется возможным лишь посредством изменения некоторых доктринальных и законодательных подходов к процессуальным механизмам, связанным с производством личного обыска человека, задержанного по подозрению в совершении преступления.

Так, в первую очередь, пора, наконец, признать, что единственная возможность использования в доказывании столь важных результатов административного досмотра или иных подобных непроцессуальных мероприятий – это их введение в уголовный процесс без необходимости какой-либо мнимой легализации, о чем мы уже неоднократно отмечали в своих публикациях.

И, во-вторых, необходимо полностью прекратить практику проведения необоснованных и бесцельных личных обысков подозреваемых, сопровождающих процессуальному решению об их задержании, в тех случаях, когда все возможные предметы, документы или ценности уже были обнаружены и изъяты посредством непроцессуальных досмотров и тому подобных мероприятий. Частично это может быть обеспечено путем исключения из сферы уголовно-процессуального регулирования ст. 93 УПК РФ, предполагающей, как уже отмечалось выше, неоднозначное толкование. Однако полностью решить указанную задачу возможно лишь посредством повышения профессионализма сотрудников органов дознания и предварительного следствия, а также системного разъяснения данных вопросов в научно-практических комментариях к УПК РФ и учебной литературе.

Список использованных источников

1. Астафьев Ю.В., Изотова Н.В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. – Курск: ФГУИПП, 2002.
2. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. – М.: ЮрИнфор, 1999.
3. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. – М.: Юристь, 2000.
4. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Проспект, 2009.
5. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. – СПб: Юридический центр-Пресс, 2006.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – М.: Юристь, 2003. – С. 157.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016.
8. Россинский С.Б. Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу – объективная необходимость // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3(20).
9. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. – М.: Юрлитинформ, 2015.
10. Россинский С.Б. Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу – объективная необходимость // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3(20).
11. Россинский С.Б. Личный обыск задержанного по подозрению в совершении преступления: проблемы теории, нормативного регулирования и практики производства // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 2(31).
12. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.В. Смирнова. – 3-е изд. – М.: КНОРУС, 2007.
13. Сопнева Е.В. Теоретическая модель процессуального статуса подозреваемого в уголовном процессе. – Ставрополь: СФ Краснодарского университета МВД России, 2010.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М.: Редакция «Российской газеты», 2015.

15. Уголовный процесс: учебник / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. – 2-е изд. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003.

16. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2008.

17. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001.

18. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015.

П.В. Седелников

ОБОСНОВАННОСТЬ НАПРАВЛЕНИЯ ПОРУЧЕНИЯ ОРГАНУ ДОЗНАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ

Поручение следователя органу дознания это не просто законодательная возможность переложить на орган дознания выполнение определенной части своей работы. Полагаем, что существуют условия, при наличии которых можно говорить о законности и обоснованности поручения. К таким следует отнести:

1. Отсутствие в арсенале следователя средств, посредством которых можно добиться наступления желаемого результата. Речь идет о возможности проведения определенными подразделениями органа дознания оперативно-розыскных мероприятий. Именно благодаря своему характеру (отсутствие гласности) оперативно-розыскные мероприятия являются действенным средством раскрытия тяжких и неочевидных преступлений.

2. Поручение о производстве отдельных следственных и процессуальных действий будет обоснованным, в случае необходимости их одновременного проведения в разных местах. По объективным причинам следователь этого сделать не сможет. В то же время, если по уголовному делу имеется потребность в производстве большого количества процессуальных действий, которые без ущерба для интересов расследования возможно выполнить последовательно, следователю следует проводить их самостоятельно. В таком случае, способствовать сокращению срока предварительного следствия будет создание следственной группы.

3. Третьим условием является соразмерность затраченных ресурсов полученным результатам. Например, при необходимости допроса свидетеля, находящегося в другом городе, следователь может быть направлен в командировку. Альтернативным вариантом является поручение следователем проведения допроса органу дознания по месту жительства свидетеля. Очевидно, что при допросе свидетеля лично следователем полученные результаты (показания свидетеля) будут несоизмеримы затраченным материальным, временным и личным ресурсам, что указывает на предпочтение